

Близ Никеи находится укрепление Цивитот; недалеко от него лежит рукав моря, по которому ходят днем и ночью собственные корабли императора вплоть до самого Константинополя; на них доставляется в лагерь подающие бесчисленным бедным и ежедневно им раздаются. В наше время, как мне кажется, во всей вселенной не найдется государя столь знаменитого своими доблестями. Твой отец, моя возлюбленная, раздавал много, но все это ничто по сравнению с ним. Мне было приятно сказать тебе что-нибудь об императоре, чтобы ты знала, что это за человек.

Дней через 10, в продолжение которых он удерживал меня с почетом, я простился с ним, как с отцом. Он сам распорядился приготовить мне корабли, при помощи которых я быстро переплыл спокойный рукав моря, омывающий Византию. Рассказывали, что этот Константинопольский рукав бурен и опасен; но это выдумка, ибо по нему можно плавать так же спокойно, как у нас по Марне или Сене.

Оттуда мы вошли в так называемый рукав Св. Георгия и направили свой путь к Никомедии, городу, опустошенному турками, где блаженный мученик Папгаисон пострадал за Христа и где тот морской рукав имеет свое начало и конец. Потом мы поспешили, благословляя Бога, к великому городу Никее. Никея же, моя возлюбленная супруга, окружена более чем 30 башнями и удивительными стенами. Мы напали в ней турок, отважных защитников, и бесчисленную рать Господню, которая уже в течение четырех недель вела с никейцами смертельную борьбу.

Позадолго до нашего прибытия в лагерь Салиман (Килидж Арслан), султан Турецкий, приготовившись к войне, напал неожиданно с огромным войском на наших, имея в виду прорваться в город и помочь своим; но по Божественному милосердию случилось иначе, нежели он думал. Наши, выйдя с поспешностью, жестоко приняли турок, и они, обратив тыл, ударились в бегство. Продолжая настойчиво преследовать христиане многих из них перебили и гнали на большом пространстве, нанося безумим раны и смерть. Если бы не скалистые горы, неизвестные нашим, то в этот день враг испытал бы великое и вознагражденное бедствие. Из наших же при этом никто не погиб. После мы соединенными силами сделали несколько отчаянных приступов и метательными орудиями и луками умертвили многих турок, и даже знатных. Из наших были убиты некоторые, но весьма немногие: из именитых рыцарей (*nominativus miles nullus*) никто, кроме Балдуина, графа Ганца из Фландрии.

Наши богоспасаемые князья, видя, что Никея находится в отчаянном положении, по простому оружию взять ее нельзя, построили высокие деревянные башни с бойницами и всякого рода снарядными. Турки же, заметив то, отправили в страхе гонцов к императору с предложением сдать город в его руки, с условием вывести их из города, хоть пагами, и наложить оковы, но с сохранением жизни. Узнав о том, император, уважасмый всеми, явился к нам, но побоялся войти в город, чтобы народная толпа, любившая его, как доброго отца, не задушила от радости.

СТЕФАН, ГРАФ БЛОА (ETIENNE, COMTE DE BLOIS). Граф Блоа – известен также под другим именем Генрих Блоа – наследовал своему отцу, Тибо Блоа, и принадлежал к числу самых богатых участников Первого крестового похода. Он считался одним из образованнейших людей своего времени и особенно прославился как поэт, так что современники называли его Цезарем на войне и Вергилием в поэзии. Его жена, Адель, или Алиса, дочь Вильгельма Завоевателя, была знаменита также своим творчеством; о ней говорили: *soria dictandi torrens*. Сын их, Стефан Блоа, в 1135 г. вступил на английский престол. Во время похода в Палестину он писал своей жене три раза: первое письмо из Константинополя утрачено и сохранились только два последних, из Никеи и Антиохии. Никейское письмо помещено в собрании Мабильона, ученого XVIII в.: *Museum Italicum*. Par., 1724. T. I, с. 237. Оно замечательно как почти единственный латинский памятник, в котором император Алексей Комнин находит для себя панегирик, в противоположность показаниям других западных писателей той эпохи.